

Пространство и письмо: исследование антропоцена

Джейсон Мур. Осмыслить планетарный ад

Максим Шер 25/05/20 11:41 🗨

English original: Jason W. Moore, "The Capitalocene & Planetary Justice," *Maique* 6 (2019), 49-54.

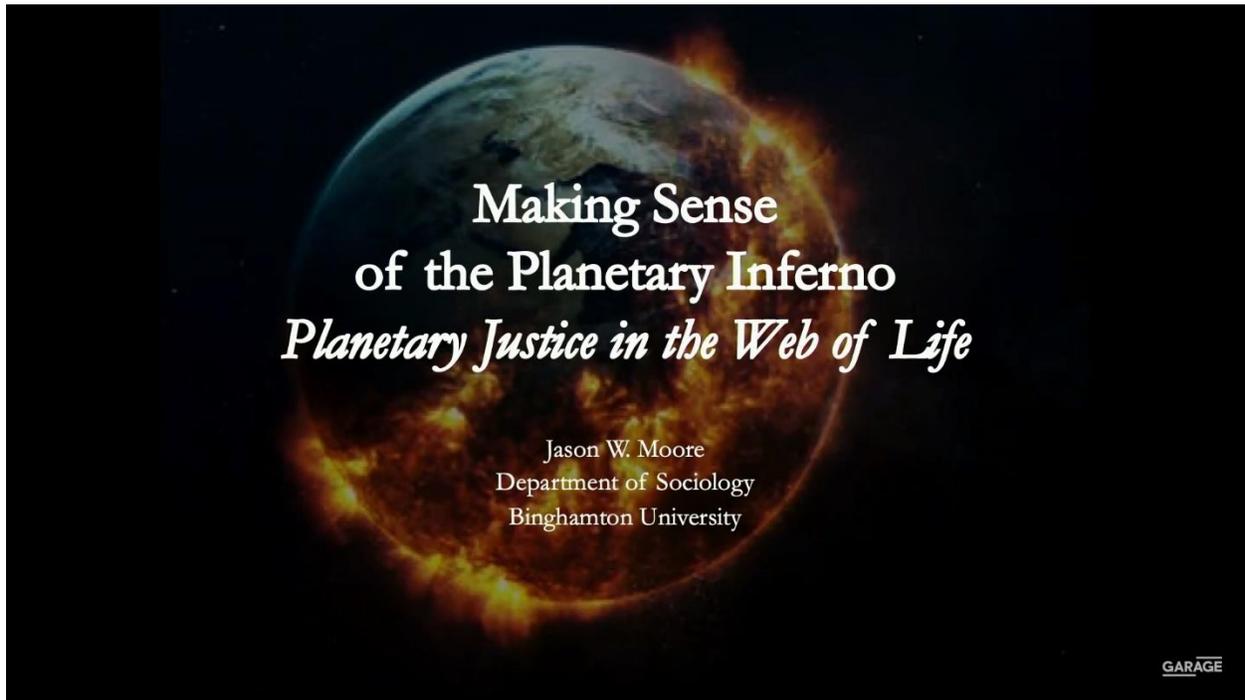

Иллюстрация из презентации Джейсона Мура к публичной лекции «Осмыслить планетарный ад», Москва, июнь 2019, МСИ Гараж © МСИ Гараж.

Кто виноват в климатическом кризисе? Для всех, кто не отрицает изменения климата, ответ на этот вопрос прост: человек. Кто в здравом уме будет спорить с тем, что изменения климата — *антропогенны*, то есть вызваны деятельностью человека? Мы живем в эпоху антропоцена, то есть в эпоху человека как геологической силы, так?

Мой ответ: и да, и нет. Предположу, что слова «виноват человек» проясняют смысл настолько же, насколько и затеяют его. Между фразой «виноват человек» и фразой «виноваты *некоторые* люди» лежит политическая пропасть. Радикальные мыслители и активисты, борющиеся

за справедливое решение климатических проблем, начали сомневаться в таком явно уравнительном размывании исторической ответственности за изменения климата в системе, заинтересованной в крайне неравноправном распределении богатства и власти. С этой точки зрения говорить об *антропогенном изменении климата* — примерно то же самое, что перекладывать ответственность с виновников на жертв эксплуатации, насилия и бедности. Есть ли другое, более точное определение? Да: мы живем в эпоху [капиталогенного климатического кризиса](#).

Капиталогенный значит «вызванный деятельностью капитала». На слух, наверное, звучит не очень, как и родственное слово *капиталоцен*. Дело, однако, не в словах, а в том, что в условиях гегемонии буржуазии нас учат с подозрением относиться к любым формулировкам, прямо называющим систему. Но социально-освободительные движения всегда называют своими именами и систему, и формы подавления, и логику эксплуатации. Любое движение за справедливость вводит в обиход новые идеи и языковые формы. Способность назвать несправедливость несправедливостью направляет в нужное русло мысль и стратегию. В течение всего долгого XX века рабочие, антиколониальные и феминистские движения сильно недооценивали этот факт. В этом смысле мейнстримный экологизм в том виде, в котором он существует с 1968 года — «экологизм богатых» ([Питер Довернь](#)) — постиг полный провал. Идея «экологического следа» (ecological footprint) направляет наше внимание на индивидуальное рыночное потребление. Тезис об антропоцене (а до него образ Космического корабля «Земля») предполагает, что планетарный кризис стал более или менее естественным следствием человеческой природы, то есть сегодняшний климатический кризис — как бы следствие того, что человек есть человек, так же как змеи суть змеи, а зебры — зебры. Истина не столь прямолинейна, но она опознаваема и как проблема решаема: мы живем в эпоху Капиталоцена, то есть в век капитала. Мы знаем, кто виноват в климатическом кризисе — и в исторической перспективе, и сегодня. У виновных есть имена и адреса: начать можно с [восьми богатейших](#)

[МУЖЧИН](#) мира, у которых богатств больше, чем у самых бедных 3,6 миллиарда человек.

Что такое капиталоцен? Для начала скажу, чем он *не* является. Капиталоцен — *не* геологическое понятие и *не* аргумент в пользу того, что некая экономическая система вызвала планетарный кризис, хотя экономика играет здесь ключевую роль. Капиталоцен — это способ понять капитализм как географически связанную и исторически структурированную систему. С этой точки зрения [капиталоцен](#) есть геопоэтика для осмысления [капитализма](#) [как мир-экологии](#) власти и вос/производства в ткани жизни (capitalism as a world-ecology of power and re/production in the web of life).

Сейчас мы рассмотрим капиталоцен подробнее, но сначала давайте разберемся с антропоценом, коих существует два. Первый — *геологический*. Геологический антропоцен — забота геологов и ученых, занимающихся системными исследованиями Земли. Их основная тема — «золотые гвозди»: ключевые метки геологических эпох в стратиграфических слоях. Для антропоцена такими «метками» обычно считают пластик, куриные кости и ядерные отходы: таков вклад капитализма в геологическую историю Земли! Точкой отсчета геологического антропоцена биогеографы [Саймон Льюис](#) и [Марк Мазлин](#) убедительно предлагают считать 1610 год. В период с 1492 по 1610 годы, завершение которого отмечено «мировым гвоздем» (Orbis Spike, от лат. Orbis — «мир» и англ. Spike — «гвоздь»; *прим. пер.*), мир увидел не только вторжение Колумба в Америку. Последовавший за ним геноцид ее коренного населения привел к восстановлению лесов и быстрому снижению уровня углекислого газа в атмосфере к 1550 году. В итоге на этот период пришлось самые холодные десятилетия Малого Ледникового периода (ок. 1300-1850 гг.). Геологический антропоцен, таким образом, есть умышленная абстракция исторических отношений для прояснения биогеографических отношений человека как вида и биосферы, и это совершенно резонно, ведь тезис о капиталоцене не касается спора о геологической истории.

Он касается спора о *геоистории*. Последняя предполагает, что биологические изменения принципиальны для истории власти и производства. Здесь капиталоцен сталкивается со вторым антропоценом — *популярным*, охватывающим гораздо более широкую дискуссию в гуманитарных и социальных науках. Это дискуссия об историческом развитии и современных реалиях планетарного кризиса. Четкого водораздела между ними нет и многие ученые, занимающиеся системными исследованиями Земли, с удовольствием переходят от геологического антропоцена к популярному и обратно.

Для популярного антропоцена главная проблема — Человек и Природа (Man and Nature), причем она содержит явный гендерный перекося: Кейт Раворт справедливо связала, что мы живем в эпоху *Мантропоцена*. Как модель планетарного кризиса этот антропоцен сложно назвать чем-то новым. Она — эта модель — перевоплотилась из космологии Человечества и Природы и частью уходит корнями в 1492 год, частью восходит к Томасу Мальтусу (XVIII век). Согласно этому нарративу, Человечество причиняет колоссальный вред Природе, а стоит за этим, как обычно, призрак перенаселения — идея, последовательно оправдывавшая угнетение женщин и цветных народов (people of color).

Вы, наверное, заметили, что я выделил большими буквами слова *Человечество и Природа*. Все потому, что это не просто слова, а абстракции. Правда империи, государства модерна и капиталисты считали их реальными, чтобы удешевить человеческие и нечеловеческие «природные ресурсы» (natures) любого рода. Исторически сложилось так, что большая часть человеческих существ оказалась практически исключена из состава Человечества. В истории капитализма, среди *антропосов* нашлось очень мало места для тех, кто не относился к категории белых мужчин-буржуа. Начиная с 1492 года сверхбогатые и их союзники-империалисты последовательно исключили цветные коренные народы и практически всех женщин из состава Человечества, отнеся их к категории Природы, чтобы превратить в источник

прибылей. Дело в том, что космология Человека и Природы в популярном антропоцене — это не просто дефектный способ анализа: она непосредственно причастна к исторически сложившимся практикам доминирования. Отказ сторонников популярного антропоцена называть климатические изменения *капиталогенными* означает их неспособность видеть проблему не в *Человеке* и Природе, а в *конкретных* людях, заинтересованных в прибыльном доминировании и уничтожении большинства людей, а также всей остальной природы.

Поэтому утверждения проводников популярного антропоцена о вине всех людей просто не соответствуют действительности. Доля Америки и Западной Европы в объеме выбросов углекислого газа за период с 1850 по 2012 годы [в три раза выше показателей Китая](#). Но даже этого мало. Такие национальные показатели сродни индивидуализации ответственности за климатический кризис. Они не учитывают центральную роль американского и западно-европейского капитала в глобальной индустриализации после 1945 года. Например, начиная с 1990-х годов китайские вредные выбросы всецело служили интересам европейского и американского экспортных рынков. Их десятилетиями подпитывали и оправдывали масштабные иностранные инвестиции. Глобальная система власти и капитала постоянно жаждет заполучить новые дешевые «природные ресурсы» (Cheap Natures). В результате, начиная с 1970-х гг. мы стали свидетелями резкого увеличения классового расслоения. Взять те же США — всемирно-исторического лидера по карбонизации атмосферы. Возложить равную ответственность за глобальное потепление на всех американцев — значит распылить ее. США с самого начала были республикой апартеида, в основу которой были положены геноцид, грабеж и рабство. Да, за американскую долю выбросов в атмосферу отвечают американцы, но конкретные: собственники капитала, плантаций и рабов (а также сегодняшних частных тюрем), заводов и банков.

Поэтому тезис о капиталоцене отвергает антропоцентрическую уравниловку в духе лозунга «Мы видели врага: враг — это мы» (We have met the enemy and he is us) с культового плаката Уолта Келли,

выпущенного им в 1970 году ко [Дню Земли](#)), и вместе с ней — экономический редуционизм. Конечно, капитализм есть система бесконечного накопления капитала. Но согласно тезису о капиталоцене, чтобы понять сегодняшний планетарный кризис, необходимо смотреть на капитализм как на мир-экологию власти, производства и воспроизводства. С этой точки зрения «социальные» аспекты современного классового господства, белого шовинизма и патриархата тесно связаны с экологическими проектами, направленными на бесконечное накопление капитала. Великое изобретение капитализма с момента его зарождения после 1492 года — практика присвоения Природы. Природа — не просто идея, но территориальная и культурная реальность, которая тюрьмой и полицейской дубинкой поставила под контроль женщин, колонизованные народы и внечеловеческую ткань жизни. Поскольку ткань жизни сопротивляется стандартизации, акселерации и гомогенизации, направленным на извлечение максимальной прибыли, капитализм никогда не был узко экономическим явлением. Капиталогенное разорение человеческих и внечеловеческих «природных ресурсов» (natures), происходившее при каждом удобном случае, — следствие культурного доминирования и применения политической силы.

Почему именно 1492 год, а не 1850-й или 1945-й? На знаменитых графиках-«хоккейных клюшках» именно с этими временными точками, особенно с последней, соотносятся важнейшие переломные моменты, связанные с увеличением содержания углекислого газа в атмосфере и другими сдвигами. Но это визуализация последствий, а не причин планетарного кризиса. Тезис о капиталоцене предполагает анализ, связывающий эти последствия с долгой историей классового господства, расизма и сексизма, которые в современном смысле этих терминов формируются начиная с 1492 года.

К XVI веку произошел перелом в подходах ученых, капиталистов и имперских стратегов к пониманию планетарной реальности. В средневековой Европе люди и вся остальная природа понимались иерархически в виде так называемой Великой цепи бытия. Однако строгого разделения между человеческими

отношениями и остальной природой не было. Слова *nature* («природа»), *civilization* («цивилизация»), *savagery* («дикость») и *society* («общество») в английском языке приобрели свои современные значения только между 1550 и 1650 годами. И это не случайное совпадение: в Англии то была эпоха капиталистической революции в сельском хозяйстве, современной революции в добыче угля и вторжения в Ирландию (1541). Культурный сдвиг происходил не только в англоязычном мире: схожие процессы шли примерно в то же время и в других западноевропейских языках одновременно с переходом к капитализму в странах Атлантического бассейна. Столь радикальный разрыв со старыми — холистическими, хотя и иерархическими — способами познания реальности породили раздвоение на Цивилизацию и Дикость.

Где бы и когда бы ни высаживались с европейских кораблей солдаты, священники и купцы, они сразу сталкивались с *savages* — «дикарями». В Средние века английское слово *savage* значило «сильный», «яростный», теперь оно стало антонимом «цивилизации». Дикари населяли пространство, которое стали называть «дикой природой» (*wilderness*), и перед «цивилизованными» завоевателями теперь стояла задача «обратить ко Христу» (*Christianize*) дикарей и «благоустроить» (*Improve*) территорию. Дикую природу в те годы часто считали «бесхозной» (*waste*), и в колониях такой подход оправдывалось разорение (*laying waste*). Так ее саму и ее обитателей можно было задешево поставить себе на службу. Двоичный код «Цивилизация и Дикость» — базовая операционная система модерности, в основу которой положено расчеловечивание человека. Происходившее многократно, оно определило судьбу коренных народов, ирландцев, практически всех женщин, африканских рабов и колонизованных народов во всем мире. Такая капиталистическая геокультура неистово и постоянно стремится к удешевлению жизни и труда, которое с одной стороны всякий раз становится определяющим фактором для очередного великого мирового экономического бума, а с другой — творит насилие, ведет к деградации и самоистощению.

Дискурс об Обществе и Природе, таким образом, — это не просто дискурс буржуазно-колониальной революции в самом широком смысле, но и практика отчуждения, столь же фундаментальная для капиталистической гегемонии, сколь ею является современное отчуждение трудовых отношений. Дискурс об Обществе и Природе фетишизирует основополагающие отчужденные отношения насилия и доминирования при капитализме. Очевидно, принципиальное значение здесь имеет данное Марксом объяснение товарного фетишизма, в результате которого работающий начинает воспринимать плоды своего труда как чужеродную силу, тяготеющую над ним. Есть еще одна форма отчуждения, сопутствующая товарному фетишизму: это фетишизм цивилизационный, и речь не об отчуждении между «человеком и природой», а о проекте *определенной группы* людей — белых мужчин-буржуа, — реализованном ими во время становления капитализма с целью удешевления большинства людей и родственных нам форм жизни. Если товарным фетишизмом определяется фундаментальный антагонизм между капиталом и пролетариатом, то фетишизм *цивилизационный* есть всемирно-исторический антагонизм между капиталом и *биотариатом* ([по Стивену Коллису](#)) — живыми и мертвыми формами жизни, которые делают неоплачиваемую работу и дают энергию для существования капитализма. Цивилизационный фетишизм учит нас мыслить отношения между капитализмом и тканью жизни как отношения между объектами, а не как интернализирующие и экстернализирующие отношения при формировании окружающей среды. Все, что Маркс сказал о товарном фетишизме, было логически и исторически предвосхищено рядом цивилизационных фетишей, а его геокультурной опорой стала граница, проведенная между Цивилизацией и Дикостью. Наемный труд возник не при капитализме. При капитализме возник современный пролетариат, причем в рамках гораздо более дерзкого проекта, целью которого было заставить бесплатно или задешево работать на себя все «природные ресурсы» (*natures*) — биотариат. Подобно товарному фетишизму цивилизационный фетишизм был и остается не просто идеей, а практикой и рациональным

обоснованием мирового господства. Начиная с 1492 года эта граница между Цивилизованным и Диким формирует современную жизнь и власть, производство и воспроизводство. Ее заново изобретали на каждом этапе развития капитализма, и сегодня вновь вылезшие на свет авторитарные популисты опять перелицовывают ее, милитаризуя и закрывая границы от «вредоносных» беженцев, гонимых извечной тройкой развитого капиталоцена — бесконечными войнами, расистским расчеловечиванием и климатическими кризисами.

Тысяча четыреста девяносто вторым годом отмечен не только геокультурный сдвиг, но и биогеографический переход, беспрецедентный в истории человечества. С вторжением Колумба [в Америку] началось геоисторическое воссоединение Пангеи — сверхконтинента, расколовшегося за 175 млн лет до того. Эта современная Пангея в глазах европейских банкиров, королей и вельмож служит практически бездонной кладовой дешевого труда, продовольствия, энергии и сырья. Именно здесь, в атлантической зоне современной Пангеи, возникли и капитализм, и современный планетарный кризис. За три последующих столетия тройная спираль капитализма, состоящая из империй, капитала и науки, породила величайшую и стремительнейшую трансформацию земли и труда в истории человечества. Только возникновение оседлого земледелия на заре голоцена — примерно 12 тысяч лет назад — может сравниться с экологической революцией, произошедшей на ранних этапах развития капитализма. За несколько веков до появления паровых машин Ньюкомена и Уатта европейские банкиры, плантаторы, промышленники, купцы и империалисты с невиданной скоростью и в невиданных доселе масштабах преобразовали планетарные трудовые, жизненные и земельные отношения. От Бразилии и Анд до Балтики вырубались леса, африканцам, коренным народам и славянам были навязаны системы принудительного труда, а жизненно важные грузы — дешевое продовольствие, лес и серебро — потекли в центры богатства и власти. Женщин в Европе, не говоря уже о колониях, закабалили беспощадным режимом принудительного труда, непредставимым при феодализме. Их исключили из состава

Цивилизации, а жизнь и труд поставили под жесточайший контроль. Женскую работу перестали считать работой ([Сильвия Федеричи](#)) именно потому, что она проходила теперь по классу Природы.

Историю планетарного кризиса обычно рассказывают сквозь призму Промышленной революции — одной единственной. Никто не оспаривает тот факт, что волны индустриализации совпадали с основными переломными моментами в использовании ресурсов и токсификации, но индустриализация как таковая началась задолго до XIX века! Однако объяснять истоки планетарного кризиса технологическими трансформациями — значит серьезно все упрощать. Промышленная революция в Британии, например, произошла целиком за счет дешевого хлопка, неоплачиваемого труда нескольких поколений коренных народов, производивших вид хлопчатника, пригодный для машинной обработки (*G. hirsutum* или хлопчатник обыкновенный), геноцида и грабежа чероки и других народов американского Юга, а также благодаря изобретению хлопкового волокноотделителя, увеличившего производительность труда в пятьдесят раз, и африканцам-рабам, трудившимся на хлопковых полях. Кроме того, индустриализация Англии была бы невозможна без произошедшей веком ранее насильственной гендерно-репродуктивной революции, которая поставила способность женщин рожать детей и ухаживать за ними на службу демографическим требованиям капитала.

Эти выписки из истории капитализма означают, что сия странная система всегда зависела от фронтиров — зон освоения новых дешевых, некоммодифицированных еще «природных ресурсов» (Cheap Natures), чей труд можно присвоить бесплатно или задешево за счет насилия, культурного доминирования и рынка. Все эти фронтиры играли и играют принципиальную роль, потому что капитализм — дико расточительная, самая экстенсивная система из когда-либо созданных. Этим объясняется невероятная экстравертность капитализма. Чтобы выжить, ему пришлось «разгородить» (enclose) планету для поиска источников дешевых «природных ресурсов» (Cheap Natures) и одновременно

для создания планетарной свалки отходов. Оба этих «фронтيرا», обеспечивающие радикальное снижение издержек и за счет этого — максимизацию прибыли, уже выработаны. С одной стороны, дешевизна рано или поздно заканчивается: рабочие и крестьяне восстают и сопротивляются, месторождения истощаются, плодородные почвы подвергаются эрозии. С другой стороны, масштабы разгораживания капитализмом планетарной атмосферы и других общественных благ для утилизации своих отходов превысили критическую отметку. Эпохальные климатические изменения стали наиболее ярким выражением этого переломного момента, когда мы видим, как глобальная токсификация все больше дестабилизирует важнейшие достижения капитализма, прежде всего, созданный им режим «дешевого продовольствия». Две эти стратегии — «дешевых природных ресурсов» (Cheap Nature) и «дешевых отходов» (Cheap Waste) — все сильнее исчерпывают себя по мере того, как география жизнестроения и фиксация прибыли входят в патологическую фазу. Как напоминает нам Наоми Кляйн, климатический кризис меняет все. Мир-экология капитализма переживает сейчас эпохальные перемены, или скорее даже схлопывание, так как «природные ресурсы» (natures) перестают быть дешевыми и начинают оказывать все более действенное сопротивление. Ткань жизни повсюду бросает вызов капиталистическим стратегиям снижения издержек и становится реальностью, повышающей эти издержки для капитала. Из-за климатических изменений, хотя и не только из-за них, абсолютно все на этой планете становится дороже для капитала и опаснее для нас.

«Дешевым природным ресурсам» (Cheap Nature) приходит конец. Это огромная проблема для капитализма, который весь построен на практике удешевления — и в смысле цен, и в смысле культурного доминирования. Первое — форма политической экономии, второе — средоточие имперской гегемонии, расизма и сексизма. Среди важнейших проблем планетарной справедливости сегодня — формирование стратегии, которая привяжет справедливость к этим двум аспектам с их полным, сквозным охватом. Вдумайтесь: самые жуткие и выраженные

биофизические последствия токсификации и экономической стагнации обрушились сегодня именно на те группы населения, которые последовательно относили к Природе еще с 1492 года: на женщин, жертв неокOLONиализма и цветные народы.

Это тяжелая ситуация для всех жителей планеты Земля. Но надежда есть, и есть основания для нее.

Ключевой урок, который я извлек, изучая историю климата за две тысячи лет, следующий: [правлящие классы редко выживали после климатических сдвигов](#). Крушение власти Рима на Западе совпало с Малым ледниковым периодом поздней античности (ок. 400-750 гг.). Феодализм вошел в кризис примерно через столетие после начала Малого ледникового периода (примерно 1300-1850 гг.). Самые серьезные политические кризисы раннего капитализма (до середины XX века) совпадали с самыми суровыми декадами Малого ледникового периода (XVII в.). Климат сам по себе ни на что не влияет, но климатические изменения вплетены в ткань производства, воспроизводства, основуправления, культуры — словом, всего! Климатические изменения, происходящие прямо сейчас, вне всякого сомнения, будут серьезнее, чем всё, что мы видели за последние 12 тысяч лет. Устоявшиеся системы классового господства, производства и всего остального никогда не выживали после серьезных климатических сдвигов. Конец голоцена и зарю геологического антропоцена можно поэтому только приветствовать как момент величайшей политической возможности и конца капиталоцена.

Конечно, капитализм продолжает существовать. Но он уже ходячий мертвец. Сейчас необходимы радикальные перемены, которые свяжут воедино декарбонизацию, демократизацию и декоммодификацию. Они должны вывернуть наизнанку [логику Нового Зеленого курса \(Green New Deal, GND\)](#). Целью такого радикального видения должен стать разворот сформулированной в GND важнейшей смычки экономической справедливости, социального обеспечения и экологической устойчивости в сторону декоммодификации жилья, транспорта, социального ухода и образования, а также обеспечения климатической

справедливости за счет [отказа от диктата капиталистических монокультур в сельском хозяйстве](#).

Именно этот радикальный призыв лежит в основе [дебатов о мир-экологии](#). Их характеризует фундаментальная открытость к переосмыслению старых моделей мышления, в особенности, хотя и не только [дихотомии] «Общество и Природа». Они зовут к новому диалогу гуманитариев, художников, активистов и ученых-естественников, в рамках которого капитализм рассматривался бы как экология власти, производства и воспроизводства в ткани жизни. Участники этих дебатов настаивают: не может быть трудовой политики без учета интересов природы, не может быть природной политики без учета интересов труда; климатическая справедливость есть репродуктивная справедливость. Они бросают вызов климатическому апартеиду с помощью идей климатического аболиционизма.

Капиталоцен, таким образом, — это не очередная издевка над антропоцентром. Это приглашение к дебатам о том, как нам аналитически и практически демонтировать тиранию [дихотомии] «Человек и Природа». Это способ осмыслить планетарный ад и указать на то, что климатический кризис есть геоисторический сдвиг. Он, конечно, затрагивает и молекулы парниковых газов, но его нельзя сводить только к вопросам промилле. Климатический кризис — геоисторический момент, в котором системно переплелись загрязнение атмосферы парниковыми газами и классовое расслоение, классовый патриархат и климатический апартеид. История справедливости в XXI веке будет живо интересоваться, насколько нам удалось выявить эти противоречия и взаимозависимости, и насколько умело мы выстроили политические коалиции, выходящие за рамки этих противоречий.

Авторский вариант текста, опубликованного на платформе [Maize](#)

Джейсон Мур (Jason W. Moore) — историк экологии и географ, профессор социологии в Бингемптонском университете. Среди его последних книг: *A History of the World in Seven Cheap*

Things («Всемирная история и семь дешевых ресурсов», California, 2017); *Anthropocene or Capitalocene?* («Антропоцен или капиталоцен?»), PMPress, 2016) и *Capitalism in the Web of Life* («Капитализм в ткани жизни», Verso, 2015). Книги и эссе Мура [публиковались на 18 языках](#), некоторые тексты можно [посмотреть на его сайте](#). Мур координирует [Сеть исследователей мир-экологии \(World-Ecology Research Network\)](#) — глобальное сообщество художников, деятелей науки и активистов.

Перевод: Максим Шер

Материал входит в [серию публикаций](#) по итогам образовательного проекта [«Пространство и письмо: исследование антропоцена»](#), который проходил в МСИИ Гараж в июле 2019

Further reading, <https://jasonwmoore.com/>:

- 2020 *La trama de la vida en los umbrales del Capitaloceno*. Ciudad de México: Bajo Tierra Ediciones.
- 2017 *A History of the World in Seven Cheap Things*. Berkeley: University of California Press.
- 2015 *Capitalism in the Web of Life: Ecology & the Accumulation of Capital*. Verso.
- 2016 Jason W. Moore, ed., *Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism* (PM Press).
- 2022 [How to Read *Capitalism in the Web of Life*: Towards a World-Historical Materialism in the Web of Life](#), *Journal of World-Systems Research* 21(1), 153-168.
- 2022 [Anthropocene, Capitalocene & the Flight from World History: Dialectical Universalism & the Geographies of Class Power in the Capitalist World-Ecology, 1492-2022](#), *Nordia* 51(2), 123-146.
- 2021 [Empire, Class & The Origins Of Planetary Crisis: The Transition Debate in the Web of Life](#), *Esboços: histories in global contexts* 28, 740-763.
- 2021 [Opiates of the Environmentalists? Anthropocene Illusions, Planetary Management & The Capitalocene Alternative](#), *Abstrakt* (November). Published simultaneously in English and Turkish.
- 2021 [Das Planetare Proletariat im Planetaren Inferno](#), *LjB: Literaturforum im Brecht-Haus* 7, 4-11.
- 2021 Del gran abaratamiento a la gran implosión: Clase, clima y la Gran Frontera, *Relaciones Internacionales*, 47, 11-52.
- 2018 The Capitalocene, Part II: Accumulation by Appropriation and the Centrality of Unpaid Work/Energy, *The Journal of Peasant Studies* 45(2), 237-279.
- 2017 World Accumulation and Planetary Life, or, Why Capitalism Will Not Survive Until the 'Last Tree is Cut,' *IPPR Progressive Review*, 24(3), 176-204.
- 2017 Confronting the Popular Anthropocene: Toward an Ecology of Hope, *New Geographies*, 9, 186-191.

- 2017 Metabolic Rift or Metabolic Shift? Dialectics, Nature, and the World-Historical Method, *Theory & Society*, 46(4), 285–318. Trans: Japanese.
- 2017 The Value of Everything? Work, Capital, and Historical Natures in the Capitalist World-Ecology, *Review: A Journal of the Fernand Braudel Center* 37(3-4), 245-92.
- 2017 The Capitalocene, Part I: On the Nature and Origins of Our Ecological Crisis, *The Journal of Peasant Studies* 44(3), 594-630.
- 2017 Anthropocenes & the Capitalocene Alternative, *Azimuth* 5, 71-80.

Jason W. Moore (詹森•W.摩尔, Джейсон Мур) is an environmental historian and historical geographer at Binghamton University, where he is professor of sociology and leads the [World-Ecology Research Collective](#). He is author or editor, most recently, of [Capitalism in the Web of Life](#) (Verso, 2015), [Capitalocene o Antropocene?](#) (Ombre Corte, 2017), [Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism](#) (PM Press, 2016), and, with Raj Patel, [A History of the World in Seven Cheap Things](#) (University of California Press, 2017). His books and [essays](#) on environmental history, capitalism, and social theory have been widely recognized, including the Alice Hamilton Prize of the American Society for Environmental History (2003), the Distinguished Scholarship Award of the Section on the Political Economy of the World-System (American Sociological Association, 2002 for articles, and 2015 for *Web of Life*), and the Byres and Bernstein Prize in Agrarian Change (2011). He coordinates the [World-Ecology Research Network](#). He can be reached at: jwmoore@binghamton.edu.

Elsewhere on the web

Twitter: [@oikeios](#)

<https://twitter.com/oikeios>

[Google Scholar](#)

[Academia.edu](#)

[Researchgate.net](#)